

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ

№ 1, 2011

Александр ВАТЛИН.

Германия в эпоху Ангелы Меркель:
политический процесс и общественные реалии

Александр ЧУБАРЬЯН.

Совместная работа с германскими коллегами
станет опытным полем для других исследований

Алексей ХОХЛОВ.

Партнерство университетов –
основа научного сотрудничества

Олег МЕНЯЙЛО.

Лесные пожары и пирология в России

Александр ЕРОХИН.

Дискурс толерантности в современных
гуманитарных науках Германии

Вячеслав АНДРЕЕВ.

Нанотехнологии в солнечной фотоэнергетике

Виктор ЦЕТЛИН.

Белковые и пептидные нейротоксины: враги,
помощники и друзья?

2011 – РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ ГОД НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИЙ

Россия и Германия. Научный гумбольдтовский журнал

Учредитель:

ООО «Институт энергии знаний»
121096 г. Москва, ул. 2-ая Филевская, д. 7, корп. 6
тел.: +7 (909) 917 60 43
e-mail: energsnan@yandex.ru
веб-страница: www.energsnan.narod2.ru

Главный редактор:

Татьяна Иларионова

Ответственный секретарь:

Антон Иларионов

Редакционный совет:

Председатель совета:

Виктор Задков,

доктор физико-математических наук, профессор,
заместитель декана физического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

Заместители председателя совета:

Естественные науки — **Алексей Хохлов,**

доктор физико-математических наук, профессор,
академик РАН, проректор МГУ им. М.В. Ломоносова

Гуманитарные науки — **Александр Чубарьян,**

доктор исторических наук, профессор, академик РАН,
директор Института всеобщей истории РАН

Члены совета:

Татьяна Иларионова,

доктор философских наук, профессор, генеральный
директор ООО «Институт энергии знаний»

Штеффен Мелих,

руководитель Департамента поддержки стипендиатов
и сети выпускников Фонда им. Александра фон
Гумбольдта (Германия)

Сергей Левченко,

доктор технических наук, заведующий лабораторией
Государственного научного учреждения «Объединенный
Институт энергетических и ядерных исследований —
Сосны» Национальной академии наук Беларуси,
руководитель Гумбольдтовского клуба Республики
Беларусь (Республика Беларусь)

Анатолий Сидоренко,

доктор физико-математических наук, профессор,
директор Института электроники и нанотехнологий
АН РМ, президент «Гумбольд-Клуб Молдовы»
(Республика Молдова)

Владимир Тишков,

доктор химических наук, профессор Химического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, генеральный
директор ООО «Инновации и высокие технологии МГУ»

Издатель:

ООО «Институт энергии знаний»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по
надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-40351 выдано 30 июня 2010 г.

При использовании материалов ссылка обязательна.

Мнение авторов не обязательно совпадает с
мнением редакционного совета. Редакция не несет
ответственности за содержание рекламных материалов.
Тираж 500 экз.

Дизайн и верстка:

Наталья Иванова

Фото на обложке: Антон Иларионов

Типография «Московский Печатный Двор»

Москва, Семеновский переулок, д. 15

Тел./факс: (495) 781-64-11, 545-68-12

Заказ

Электронный адрес редакции:

rudeutsch@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Президента Фонда им. Александра Гумбольдта	4
Приветствие руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. В. СЕСЛАВИНСКОГО	4
Приветствие Посла Федеративной Республики Германия в Москве г-на БРАНДЕНБУРГА	5
Приветствие заместителя Министра регионального развития Российской Федерации М. А. ТРАВНИКОВА	5
Приветствие Виктора ЗАДКОВА, заместителя декана физического факультета МГУ им. Ломоносова, президента Московского гумбольдтовского клуба	6
Слово главного редактора Татьяны ИЛАРИОНОВОЙ, доктора философских наук, профессора	7
Д-р Пер БРОДЕРСЕН. Наука и мобильность. Фонд им. Александра фон Гумбольдта как участник российско-германских научных связей	8

СОЮЗ НАУКИ И ПОЛИТИКИ

К Году российско-германских научных достижений. О сотрудничестве в сфере экономики и науки говорили в Екатеринбурге Президент России Д. А. Медведев и Канцлер Германии А. Меркель (отчет о российско-германских межгосударственных консультациях в Екатеринбурге)	10
Академик Александр ЧУБАРЬЯН: «Совместная работа с германскими коллегами станет опытным полем для других исследований» (о работе российских и германских историков над совместным учебником — об этом шла речь в Екатеринбурге)	12
Академик Алексей ХОХЛОВ: «Партнерство университетов — основа научного сотрудничества»	13
Александр ВАТЛИН. Германия в эпоху Ангелы Меркель: политический процесс и общественные реалии	14

АКТУАЛЬНОСТЬ И НОВИЗНА

Олег МЕНЯЙЛО. Лесные пожары и пирология в России (о причинах лесных пожаров в 2010 г.)	20

ОПЫТ — ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ

Ольга УЛАНОВА. Имплементация немецкого опыта при открытии магистерской программы «Waste Management» в вузах Байкальского региона	24
Игорь ТОНКОШКУРОВ. Молочные кооперативы Германии в условиях глобализации	32
Ольга ГУЛИНА. Высоквалифицированные специалисты из стран СНГ: вернуться или остаться?	34
Александр ЕРОХИН. Дискурс толерантности в современных гуманитарных науках Германии	39

ИСТОРИЯ КАК ТЕРРИТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Михаил ХОРЬКОВ, Татьяна ЛИТВИН. Философские архивы в Германии: от музейного хранилища — к творческим лабораториям	44
Елена СОБОЛЕВА. Братья Ганс и Герман Мейеры как созидатели Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX веков	48
Александр НЕФЁДКИН. Немецкая историография последней трети XIX — первой четверти XX в. о военном деле Александра Македонского	54
Татьяна ПОПОВА. Греческие рукописи Лестницы Иоанна Синайского в Баварской государственной библиотеке	56
Немцы на государственной службе России в освоении Дальнего Востока (О выставке, поддержанной Министерством регионального развития Российской Федерации)	59

Александр ЕРОХИН
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой издательского дела
и книговедения Удмуртского госуниверситета
(г. Ижевск)
erochin@yandex.ru

ДИСКУРС ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ ГЕРМАНИИ ^[1]

Заимствованное из латинского языка слово «толерантность» (от *tolerantia* — терпение) и сегодня остается дискуссионным понятием. «Глобализованная» современность, как бы ее ни называли, — постмодерном, поздним модерном, поздним капитализмом и т. д., — актуализирует разнообразные виды конфликтов, участники которых сражаются не только за перераспределение интеллектуальной, политической и экономической власти в мире, но и за право пересмотра границ представления о человеческом и гуманном.

В этом смысле настойчивые «заклинания» толерантности в современной публичной сфере свидетельствуют еще и о страхе перед растущей во всем мире политической, этнической, религиозной, этической нетерпимостью. Это беспокойство о судьбах толерантности в XXI веке объяснимо и оправданно — прежде всего, осознанием масштабов проблемы. Дискуссия о терпимости в последнее время привела к образованию интернационального сообщества ответственно мыслящих людей, которые в своей деятельности руководствуются максимумами толерантности.

Интенсивный обмен идеями в области рефлексии над этическими проблемами современности вызвал к жизни обилие научных трудов по различным аспектам толерантности, в том числе в исторической и межкультурной перспективе. В частности, весьма активная и общественно значимая научная работа в этом направлении велась и ведется сегодня в Германии.

Обостренный интерес к различным аспектам толерантности в немецких общественных и гуманитарных науках обусловлен, прежде всего, исторически, причем корни этого интереса восходят еще к эпохе Просвещения. Уже в XVIII столетии толерантность считалась «модным словечком» (барон фон Книгге) и находилась в центре внимания как минимум с появления «Писем о толерантности» Джона Локка (1689–1692 гг.). Сегодня исследователи Про-

свещения считают тему терпимости одной из центральных в просветительском дискурсе [2].

Сохранившееся в Германии с XVI века взаимное недоверие протестантов и католиков, переходившее время от времени в открытую вражду; политическая отсталость и раздробленность; нерешенность многих социально-экономических вопросов; преобладание уходящей в прошлое феодально-аристократической культуры, — все это, безусловно, заставляло крупнейших немецких писателей и публицистов эпохи Просвещения неоднократно обращаться к теме толерантности. В XVIII веке идея толерантности обсуждалась в Германии в разнообразных контекстах: 1) в богословских дискуссиях о веротерпимости; 2) в политике — как элемент либерально-педагогического реформистского проекта, противопоставлявшего революционному радикализму Французской революции; 3) в области общественной морали — как норма журналистской этики в эпоху бурного развития прессы; 4) в сфере эстетики — как некая аналогия понятиям «вкуса», «такта», «хорошего тона», тесно связанным с конвенциями феодального придворного общества, но переросшим его рамки; 5) в сфере индивидуальной этики и культуры — как необходимый элемент воспитанной, образованной и независимой личности, причем «образование» следует здесь понимать широко, в кантовско-гердеровском значении «возрастания к гуманности»; 6) антропологически — в связи с популярностью отчетов о путешествиях с их описаниями «дикарей», придавшими новый импульс дискуссиям о «естественном человеке» [3].

Не обходилось, конечно, и без критики — в силу своего во многом формального характера понятие толерантности оказалось весьма уязвимым для антипросветительской, антирационалистической аргументации позднего Просвещения и романтизма.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Иларионова Т. С. Российские немцы в советско-западногерманских послевоенных отношениях: 1945–1961 гг. (М.: ООО «МИРОС», 2010. — 224 с.)

Книга профессора, доктора философских наук Татьяны Иларионовой посвящена мало изученной стороне отношений СССР и ФРГ после войны — переговорам и решениям по проблемам немцев в СССР. Книга даст широкий взгляд на панораму событий, обусловленных Великой Победой советских войск над гитлеровской Германией, которые оказали влияние на последующее государственное развитие обеих стран, на положение российских немцев, ставших жертвами войны и в то же время побуждавших оба государства к переменам и действиям.

Книга рассчитана на широкий круг читателей — всех, кто занимается проблемами российско-германских отношений, историей российских немцев, кто ищет новую научную информацию о прошлом нашей страны и немцев в России.

Сегодня, точнее — на рубеже XX и XXI веков, полемика вокруг толерантности в Германии по-прежнему затрагивает весь комплекс общественно-гуманитарных дисциплин — философских, исторических, богословских, этических. Остановимся лишь на некоторых аспектах этой дискуссии, показавшихся нам интересными и плодотворными, в том числе для науки и общественного мнения в России.

Историко-генетический подход к толерантности был намечен еще классиками немецкой исторической науки Эрнстом Трельчем («Социальные учения христианских церквей и групп», 1912) [4] и Фридрихом Мейнеке («Идея государственного разума», 1924) [5]. Трельч выводит идею толерантности из истории протестантских вероисповеданий; по его мнению, истинная толерантность рождается из сочетания двух принципов: конгрегационалистской самостоятельности религиозных общин [6] и индивидуалистического спиритуализма, исходящего не из ритуально-догматических, «внешних» церковных установлений, а из внутреннего мистического откровения, ограниченно-го историческим моментом, осуществляющегося всегда «здесь и сейчас» [7]. Мейнеке, в свою очередь, связывает зарождение и усиление идеи толерантности с появлением в конце XVI — начале XVII вв. во Франции и Нидерландах партии индифферентных к религии «реальных политиков», призывавших враждебные конфессии к умеренности во имя принципов государственной целесообразности [8]. По Мейнеке, политика разумного баланса государственных интересов становится важнейшим источником и инструментом позднейшей политики толерантности [9]. Таким образом, по Мейнеке, только усилившиеся в XVII — XVIII веке централизованные государства, опиравшиеся на мощь постоянной армии, могли позволить себе быть либеральными и терпимыми, — но лишь по отношению к собственным гражданам [10].

Интересно, что ни Трельч, ни Мейнеке, говоря о толерантности, не связывают ее напрямую с духом рационалистического Просвещения: просветительская «толерантность скепсиса» [11] не гарантирует подлинной терпимости. Более того: по мнению еще одного классика немецкой гуманитарной мысли XX века, Эрнста Кассирера, «чистый разум» Просвещения оказывается не менее ортодоксальным и догматичным, чем его оппоненты [12]. Исток толерантности XVIII века Кассирер видит не столько в рационалистическом скепсисе, сколько в решительно изменившемся характере религиозного переживания: прежний страдательный пафос веры сменяется ее деятельным этосом, основанном на внутренней свободе активного и ответственного в своих поступках субъекта [13].

Критика абстрактной толерантности продолжается в немецкой науке и в наше время. Так, о границах понятия терпимости в эпоху Просвещения размышляет современный немецкий историк Рейнхарт Козеллек [14]. Козеллек подчеркивает, что толерантность становится исторической проблемой только с появлением фундаментальных общественных конфликтов, которые невозможно решить одномоментно или ситуативно и которые поддаются решению лишь в продолжительной исторической перспективе [15]. С этой точки зрения толерантность можно определить как принцип универсальной дифференциации в гражданских обществах разделенного, «партийного» типа, оформившихся после распада теократических монархий.

И в этом смысле, если оставаться в рамках XVIII века, мыслители Просвещения и «просвещенные богословы», выдвинув принцип рационалистической или атеистической толерантности, остаются такими же пристрастными приверженцами некоей «частичной» истины и тем самым — такими же нетерпимыми, как и их идейные оппоненты. Козеллек приводит несколько примеров ограниченности известных философов и деятелей Просвещения по отношению к принципу терпимости. Так, взгляды Джона Локка на терпимость, изложенные им в знаменитых «Письмах о толерантности», суммируются Козеллеком следующим образом: «Только тот, кто принадлежит к какой-либо церкви, может требовать для себя терпимости» [16]. Таким образом, локков-

ская толерантность не распространяется на атеистов и на представителей других, нехристианских конфессий [17].

Особенно резко Козеллек критикует статью о толерантности во французской «Энциклопедии», написанную М. Ромилли Младшим. В этой статье требование толерантности обращается непосредственно против христианской религии как таковой. Ответственность за нетерпимость уже не возлагается, как у Локка, на власть, она возлагается на христиан в целом. Согласно Ромилли, христианский священник сначала должен быть гражданином и лишь затем — верующим, клириком. Более того: просвещенные правители обязаны бороться против «варварских» христианских догм и обрядов. По мнению Козеллека, в статье Ромилли прокладывает себе дорогу руссоистская «гражданская религия» с ее особо жесткой и агрессивной нетерпимостью по отношению к инакомыслящим [18].

Козеллек демонстрирует нетерпимость Просвещения на двух ярких примерах из французской литературы второй половины XVIII века: текстах Луи Себастьяна Мерсье и маркиза де Сада. (Последний, бесспорно, является «сыном просветительского века», несмотря на то, что считается одним из последовательных его противников). Если в утопическом романе Мерсье «Год 2440» (1770 г.) торжествует нетерпимая якобинская «диктатура воспитателей» [19], то нетерпимость у де Сада проистекает из «антропологической анархии», ведущей к тоталитарной «литургии умерщвления», к принятию принципа Зла как универсального антропологического принципа [20].

На фоне радикальной нетерпимости французских авторов Просвещения ситуация с толерантностью в Германии XVIII века представляется Козеллеку гораздо более благоприятной: «В Германии, отмеченной церковной плюралистичностью, процесс Просвещения разворачивается неторопливее и в то же время в более сублимированной форме» [21]. Но и в Германии Козеллек обнаруживает примеры нетерпимости просветительского разума. В явной форме это антикатолическая деятельность баварских иллюминатов во главе с А. Вейсхауптом. «Скрытую» же форму нетерпимости Козеллек находит, например, у Канта [22].

По критическим размышлениям Козеллека и других немецких авторов можно заметить, что дискуссия о толерантности часто оборачивается дискуссией о различных исторически сложившихся и реально существующих в социальной практике формах нетерпимости. Так, нетерпимости как обратной стороне толерантности посвящена коллективная монография «Критика и история нетерпимости» [23]. В одной из центральных публикаций книги Алоиз Вирлахер обращает внимание на стремление многих современных авторов дополнить или даже заменить понятие «толерантность» другими терминами, свободными, на их взгляд, от устаревших идеологических и ценностных импликаций. Среди понятий, переводящих интеллектуальный дискурс толерантности в русло актуальных современных проблем коммуникации, социальной компетентности и социальной ответственности, по Вирлахеру, особенной популярностью пользуется «дифференция» или «различие» (Differenz) [24].

Тому же А. Вирлахеру принадлежит оригинальная концепция «культуры толерантности» (Toleranzkultur). Сам автор определяет ее несколько отвлеченно, как систему правил и норм поведения в рамках межкультурной идентичности, призванной формировать «культурный консенсус» между различными культурами в реальной жизненной практике [25]. В границах этой во многом формально определяемой «культуры толерантности», по Вирлахеру, найдется место и другим, конкурирующим с толерантностью понятиям «дифференции», «диалога» или «признания» (Anerkennung). Очерчивая область «культуры толерантности», расширяя сферу ее применения за счет использования новых уточняющих категорий, Вирлахер ссылается на богатую немецкую литературную, философскую и богословскую традицию — прежде всего на Гете, Мартина Бубера, протестантского теолога Густава Меншинга.

Для Вирлахера толерантность означает не только пассивное принятие и претерпевание. Он усматривает в ней активное, деятельное, творческое начало [26]. Более того — он говорит о толерантности как о герменевтической категории [27], способной, подобно юмору, наделять нас особым перспективным, объемным взглядом на вещи и тем самым расширять наш кругозор, выводить его за пределы повседневной рутины [28]. Помимо интересной герменевтической аналогии между толерантностью и юмором, у Вирлахера можно найти и другие далеко идущие параллели, призванные раскрыть новые возможности в старом понятии. Толерантность толкуется им весьма расширительно, то как термин из теории систем (здесь он обыгрывает дополнительное, техническое значение немецкого слова «Toleranz» — допуск) [29], то как «многомерную категорию свободы» или жизнеутверждающее «affirmatio vitae» [30], то как важный элемент классической немецкой идеи «образования» (Bildung) [31].

Весьма оригинальная и перспективная методология работы с понятием толерантности в границах немецкоязычной гуманитарной науки и образования разрабатывается Хамидом Резой Юсефи, последователем уже упоминавшегося Густава Меншинга, ратовавшего за всемирный диалог религий, в том числе за сотрудничество христианских и исламских теологов. Специфика подхода Юсефи к проблеме терпимости заключается в том, что, обосновывая методологические принципы научного религиоведения [32], он критикует привычный для западной науки взгляд на религиоведение и историю религий как на исключительное достояние европейской науки и особенно эпохи Просвещения [33]. Для Юсефи западное религиоведение — молодая наука, берущая начало в европейском гуманизме. По его мнению, подлинные истоки научного религиоведения и религиозного дискурса о толерантности находятся на Востоке, прежде всего — в трактатах средневековых мусульманских теологов, философов и ученых аль-Бируни и аль-Газали [34]. Очередной, в лучших традициях «Западно-восточного дивана» Гете, призыв Юсефи отправить-

ся на Восток в поисках знания, бесспорно, придал новые гносеологические импульсы дискуссии о толерантности в немецкой гуманитарной науке.

Серьезный вклад в модернизацию традиционного понятия толерантности внесла также Алейда Асман, прославившаяся многочисленными работами по англистике, египтологии, теории и истории культуры и литературы. В одной из своих статей она возводит концепцию толерантности к мифу о Вавилонской башне, являющемуся одной из первых попыток человека истолковать проблему соотношения единства и множества [35]. Асман выделяет четыре главные формы осуществления принципа единства в человеческой истории: «единство цели» (тоталитарное государство); «единство истока», лежащее в основе всех историко-культурных и политических «ренессансов»; «единство общности» и «единство многообразия» [36]. Для объяснения «единства общности» Асман использует образ шара, известный нам, в частности, по философии Николая Кузанского. Шар, все точки на поверхности которого равноудалены от центра, выступает эмблемой терпимости, которая запрещает занимать центр шара какой-либо одной силе или авторитету [37].

Так Кузанец выступает для Асман как мыслитель, поставивший толерантность в основание «единства общности», характерного для классического мышления XVII — XVIII веков. Именно аллегория шара с пустым центром у Кузанского делает возможным, по Асман, позитивное восприятие принципа множества или многообразия, в том числе множества языков, равных в своем разнообразии и в своем стремлении выразить невыразимого Бога — пустой центр шара [38].

Просвещение, согласно Асман, начинает открывать за внешней пестротой народов, языков, верований и ритуалов всеобщность единых для всех законов природы и прирожденной способности ума к познанию идей. Этот путь, по Асман, ведет от «Моисеева закона» как исключительной собственности иудеев к «закону Ноя», этому «lex naturalis», достоянию всего человечества. В своей работе по (ре)конструкции непрерывной и единой исторической традиции просветители фактически создают искусственную «транс-культурную» всече-

26–29 АВГУСТА 2011 г.

г. ЭНГЕЛЬС САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

«ДЕПОРТАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1941 ГОДУ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ»

Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев, Международный союз немецкой культуры, Центр изучения истории и культуры немцев России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, Германский исторический институт в Москве проведут конференцию, посвященную 70-летию депортации немецкого населения СССР из мест постоянного проживания.

На конференции предлагается обсуждение следующих проблем:

- ✓ этнополитические предпосылки депортации российских (советских) немцев;
- ✓ организация и проведение депортации немцев в контексте общей военно-политической ситуации осени 1941 г. в стране;

- ✓ общее и особенное в проведении депортации немцев в различных регионах;
- ✓ немцы и другие «репрессированные» народы: общее и особенное в проведении депортаций, в поведении населения в процессе депортаций;
- ✓ экономическое, социальное, политическое и культурное положение, повседневная жизнь немецкого населения СССР в местах депортации в годы войны и первое послевоенное десятилетие
- ✓ «трудовая армия» и спецпоселение как продолжение политики государства в отношении этнических немцев, начатой депортацией;
- ✓ формирование новых ареалов проживания немецкого населения в послевоенные годы, послевоенные внутренние миграции немцев как следствие депортации и послевоенных дискриминационных

нормативно-правовых актов;

- ✓ фактор депортации в жизни немецкого населения СССР в 1960-е — 1980-е гг., проблемы сохранения этнической идентичности.
  - ✓ жизнь немецкого населения и проявление фактора депортации в перестроечные и постперестроечные годы; депортация и ее последствия как одна из причин массовой эмиграции.
  - ✓ жизнь немцев в современной России, проблема преодоления синдрома «репрессированного народа»;
  - ✓ государственная помощь России и Германии российским немцам, ее значение в преодолении негативных последствий депортации.
- Контактное лицо:
к.филол. н., доцент Ольга Силантьева
osilanteva@martens.ru

ловеческую идентичность на основе гетерогенных культурных эпох — античности, Ренессанса и (частично) средневековья [39].

В XX веке это сконструированное усилием мысли «единство общности» начинает растворяться в «единстве многообразия» и, по сути, обрекается на забвение в эпоху постмодерна. Тем не менее — именно идея толерантности, по мнению Асман, на сегодняшний день спасает принцип универсального единства, сохраняя возможность мыслить о всеобщем в ситуации, когда мир постмодерна, казалось бы, окончательно распался на ряд случайных и разрозненных фрагментов [40].

Историческое исследование феномена толерантности параллельно с исторической реконструкцией оснований морали предлагает Райнер Форст в монографии «Толерантность в конфликте» [41]. Проследившая развитие идеи толерантности от Цицерона и отцов церкви до XX века включительно, Форст исходит из знакомого нам положения о том, что история этого понятия отражает историю и реальность социальных конфликтов [42]. В духе Юргена Хабермаса Форст утверждает, что внутри дискурса толерантности происходит

Интенсивный обмен идеями в области рефлексии над этическими проблемами современности вызвал к жизни обилие научных трудов по различным аспектам толерантности, в том числе в исторической и межкультурной перспективе. В частности, весьма активная и общественно значимая научная работа в этом направлении велась и ведется сегодня в Германии

медленная, но последовательная рационализация дискурса власти и дискурса морали [43], — несмотря на то, что толерантность фактически состоит из хрупкого и сомнительного равновесия позитивных, утвердительных суждений и суждений отрицания и отклонения [44]. Сомнительность толерантности, в частности, состоит в том, что она, чтобы не быть уничтоженной своими врагами, должна постоянно определять и переопределять собственные пределы, артикулировать различие между приемлемым и неприемлемым и тем самым всегда балансировать на грани нетерпимости [45]. Форст размещает толерантность в пространстве между идеальным и реальным: в ней неоспоримо присутствует идеальное начало, и в то же время она немислима вне реальной политической и правовой практики [46].

Особого внимания заслуживает анализ Форстом концепций толерантности Нового времени, с конца XVI века по настоящее время. Так, рассматривая взгляды на толерантность мыслителей и политических деятелей XVI — XVII веков — Монтеня, Бодена, Вильгельма Оранского, Гроция, Спинозы, Локка, Бейля — Форст приходит к парадоксальному выводу о том, что терпимость не является плодом философского и политического либерализма, а, напротив, либерализм как мировоззрение порождается, среди прочего, спорами о толерантности в канун Нового времени [47].

Форст показывает, как терпимость из привилегии или разрешения, даваемого государством своим подданным, превращается в эпоху Просвещения в универсальный элемент гражданского права [48]. Так, по Форсту, в XVIII веке возникает «толерантность уважения» (Respekt-Toleranz), выводимая Кантом из теории «естественной религии», а также из морали, правовых и политических оснований [49]. Тем самым толерантность становится одновременно

моральной и политической добродетелью, присущей гражданам-законодателям демократического государства, уважающим друг друга как свободных и равных индивидов.

Но в трактовке Форста «толерантность уважения» к концу XVIII века сменяется превосходящей ее «толерантностью признания» (Anerkennungs- oder Wertschätzungskonzeption). Носителем этой более высокой ступени толерантного сознания Форст считает Гердера как одного из творцов современной концепции культурного плюрализма [50]. Иными словами, заслуга Гердера видится здесь в том, что он расширил религиозное, моральное и политическое толкование толерантности, включив в него представление о культурных и этнических различиях [51].

Переходя к обзору концепций толерантности в эпоху зрелого и позднего Модерна, Форст специально останавливается на трех выдающихся критиках толерантности — Марксе, Ницше и Карле Шмитте. Все три мыслителя указывают на половинчатость толерантности, на то, что она не выполняет своих многочисленных обещаний. У Маркса и марксистов под толерантностью подразумевается политическая и правовая эмансипация угнетенных сословий, конфессий, классов и народов [52]. Но эта эмансипация должна сопровождаться реальным социальным, экономическим и (если следовать неомарксистам) культурным освобождением меньшинств, иначе формально-правовая толерантность лишь закрепит их угнетение, не дав им на деле воспользоваться своими правами. Марксизм, таким образом, требует, чтобы толерантность предоставляла не только возможность критиковать властные отношения, но и реальные гарантии и полномочия для такой критики [53]. Как выразился по этому поводу влиятельный критик либерального мультикультурализма Славой Жижек, подлинная толерантность возможна сегодня лишь с возвращением политического (т. е. универсального) измерения в движение за эмансипацию разнообразных меньшинств, иными словами — терпимость осуществляется только в пространстве реальной борьбы угнетаемых (по терминологии постмодерна, «исключенных») за право голоса [54].

Другой критик толерантности, Фридрих Ницше, исходит не из объекта терпимости, а из ее субъекта [55]. С точки зрения Форста, подход Ницше к проблематике толерантности возвращает ее к своим истокам, к стоической «tolerantia», понимаемой как добродетель терпения, самообладания и самопреодоления [56]. Ницше упрекает людей своей эпохи в том, что их добродетель толерантности свидетельствует не о силе, а скорее о слабости характера. Форст цитирует место из раннего текста Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» (1874 г.), где истинная справедливость и великодушные решительно отделяются от терпимости или от признания того, что не может быть оспорено, от «приспособления и умеренно-благосклонного приукрашивания» [57]. Ницше видит в феномене современной толерантности либо симптом недоверия к собственным идеалам, либо признак отсутствия таковых.

Полемизируя здесь с Ницше, Форст не принимает ницшевскую ценностную критику толерантности как понятия, маскирующего отсутствие последовательности и силы характера в современном человеке: «Ведь толерантность есть способность к дифференцированному Да и Нет» [58]. Это значит, что суждение терпимости есть прежде всего суждение, требующее свободы и силы духа. Если Ницше исключает толерантность из своего представления о суверенном и цельном индивиде, так как не видит в ней упорядочивающего, объединяющего и универсализирующего начала, то Форст, напротив, утверждает, что сама идея суверенной личности вырастает на почве «рефлексивного», «теоретического» сознания, сохраняя отличительные особенности последнего, в том числе толерантность [59]. Несколько перефразируя эту полемику, можно говорить об «открытом» (у Форста) понимании толерантности, исходящем из введенного все тем же Ницше «проектного» представления о человеке как о существе принципиально бес-

конечном, «незавершимом» или «внеаходимом» (Бахтин). Гете мог бы в этой связи сказать, что толерантность заканчивается благоговением перед миром.

Что касается Карла Шмитта, то его критика «пассивной толерантности» связана с его критикой концепции «нейтрального государства», то есть государства «агностического», релятивистского и бессодержательного, в котором религиозно мыслящий индивид защищен не в большей мере, чем атеист, а патриот — не больше, чем те, кто презирает и ненавидит родную страну. Отсюда, из этой нейтральности государства, по Шмитту, следует абсолютная свобода любой пропаганды, абсолютная «терпимость» к любому «Другому», даже если он подрывает позитивные, гражданские устои государства и морали [60]. Так Шмитт фактически переносит проблематику «субъекта толерантности», заново поставленную Ницше, в область политики и государственного управления.

Выполненный Райнером Форстом и другими немецкими авторами анализ исторических концепций терпимости позволяет нам сделать некоторые обобщения. Прежде всего, представленные нами позиции отнюдь не призваны расставить все точки над *i* в «деле толерантности» и предложить единую, устраивающую всех позицию, устраняющую неоднократно отмеченную антиномичность, дискуссионность и «сомнительность» этого понятия. Толерантность можно считать ценностной категорией, одним из плодов гуманистической культуры, до сих пор выдерживающим критические атаки многочисленных, умных и изощренных оппонентов. Сегодня, как показывает обзор положения дел в германской гуманитаристике, дискурс толерантности по-прежнему актуален. Дискуссия о толерантности, продолжающаяся в ситуации постмодернистского релятивизма, обнаруживает устойчивую связь с традициями классического мышления, постоянно возвращая нас к этической и гносеологической проблематике, к вопросам об истинном и должном, казалось бы, основательно и надолго «отмененным» постмодернистской аналитикой. ■

1. Данная работа написана на основе материалов, собранных во время научной стажировки в университете Кельна при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта (2009 г.).

2. Reed T. J. Goethe und Kant: Zeitgeist und eigener Geist//Goethe-Jahrbuch. Bd. 118 (2001). S. 63.

3. В последнем случае особое значение для споров о толерантности в XVIII в. имеет отчет о кругосветной экспедиции Луи Антуана де Бугенвиля (1771) и отклик на него Дидро, а также отчеты о путешествиях Джемса Кука. В Германии в этом отношении следует выделить Георга Форстера (Fischer T. Wie Reisebeschreibungen zu schreiben und zu lesen sind. Georg Forsters Gattungsreflexion in seinen Rezensionen und Vorreden//Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 76 (2002), Heft 4, S. 577–607) и Александра фон Гумбольдта (von Humboldt A. Über die Freiheit des Menschen. Hrsg. von Manfred Osten. Frankfurt a. M. und Leipzig, 1999).

4. Troeltsch E. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen //Troeltsch E. Gesammelte Schriften. Bd. 1. Aalen, 1961.

5. Meinecke F. Die Idee der Staatsräson. München, 1963.

6. Troeltsch E. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. S. 758–759.

7. Там же. S. 872.

8. Meinecke F. Die Idee der Staatsräson. S. 116–117.

9. Там же. S. 291.

10. Там же. S. 336.

11. Troeltsch E. Указ. соч. С. 890

12. Cassirer E. Die Philosophie der Aufklärung. Tübingen, 1932. S. 220.

13. Там же. S. 219.

14. Koselleck R. Aufklärung und die Grenzen ihrer Toleranz//Kosel-

leck R. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. Frankfurt a. M., 2006. S. 340–362.

15. Там же, S. 344–345.

16. Там же, S. 349.

17. Об ограниченности локковской концепции толерантности пишет также Гюнтер Гавлик: Gawlick G. Lockes Theorie der Toleranz//Aufklärung 18 (2006), S. 179–200.

18. Koselleck R. Указ. соч., S. 350–352. См. также умеренную критику концепции «гражданской религии» американским автором М. Уолцером: Уолцер М. О терпимости. М., Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 91–96.

19. Koselleck R. Указ. соч. С. 354.

20. Там же. S. 355–357.

21. Там же. S. 359.

22. Там же. S. 361.

23. Kritik und Geschichte der Intoleranz. Hrsg. von Rolf Kloepper und Burckhard Dücker. Heidelberg, 2000.

24. Там же, S. 296.

25. Wierlacher A. Toleranzkultur. Zu einer Grundaufgabe internationaler Kulturarbeit in der modernen Zivilgesellschaft//Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. Hrsg. von Alois Wierlacher. Bd. 20 (1994), S. 108–109.

26. Там же, S. 122.

27. Там же, S. 126.

28. Там же, S. 131.

29. Там же, S. 126.

30. Там же, S. 133.

31. Там же, S. 135.

32. Hamid Reza Yousefi. Grundlagen der interkulturellen Religionswissenschaft. Nordhausen, 2006.

33. Там же, S. 14.

34. Там же, S. 14.

35. Assmann A. Die Spannung von Einheit und Vielheit als Grundstruktur der Toleranz//Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache 20 (1994), S. 200.

36. Там же, S. 200–203.

37. Там же, S. 203.

38. Там же, S. 204.

39. Там же, S. 205.

40. Там же, S. 207.

41. Forst R. Toleranz im Konflikt. Geschichte, Gehalt und Gegenwart eines umstrittenen Begriffs. Frankfurt a. M., 2003.

42. Там же, S. 13.

43. Там же, S. 17.

44. Там же, S. 37.

45. Там же, S. 39.

46. Там же, S. 41.

47. Там же, S. 224.

48. Там же, S. 243.

49. Там же, S. 435.

50. Там же, S. 458.

51. Там же, S. 465.

52. Там же, S. 509.

53. Там же, S. 509.

54. Žižek S. Ein Plädoyer für die Intoleranz. Wien, 1998. S. 30–31.

55. Forst R. Указ. соч., S. 510–511.

56. Там же, S. 510–511.

57. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., Мысль, 1990. С. 193–194.

58. Forst R. Указ. соч., S. 512.

59. Там же, S. 513.

60. Подробнее об этом см. работу Шмитта «Обзор различных значений и функций понятия внутриполитического нейтралитета государства» (Übersicht über die verschiedenen Bedeutungen und Funktionen des Begriffes der innerpolitischen Neutralität des Staates). Здесь цитируется по: Forst R. Указ. соч., S. 518.